

А. В. Кулагин¹

Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна)

ПОГРУЖАЯСЬ В ГОГОЛЕВСКИЕ ГЛУБИНЫ. К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА А. Х. ГОЛЬДЕНБЕРГА

В 2023 году исполняется семьдесят пять лет известному литературоведу, одному из ведущих специалистов в области изучения творчества Гоголя, доктору филологических наук, профессору Волгоградского государственного социально-педагогического университета Аркадию Хаимовичу Гольденбергу.

На фото: Аркадий Хаимович Гольденберг

Уроженец Волгограда (в ту пору – Сталинграда), в этом городе он и живёт всю свою жизнь. Но студенческая пора в биографии Аркадия Гольденберга связана не только с Волгоградом. Он поступил на филфак МГУ, где его дружеский круг составили такие известные в будущем филологи и писатели как специалист по итальянской литературе и европейской драматургии, академик РАН М. Л. Андреев; фольклористы и этнолингвисты А. В. Гура и А. Ф. Журавлёв; блоковед Е. И. Иванова, автор сенсационной монографии «Литературный котлован. Проект “писатель Шолохов”», книг о Бабеле и А. Беляеве В. П. Назаров (пишущий под псевдонимом Зеев Бар-Селла); писатель, литературный критик, автор «Романа с языком», книг о Пушкине, Блоке и Высоцком в серии «ЖЗЛ» Вл.И. Новиков; культуролог-эссеист М. Н. Эпштейн; поэтесса Ольга Седакова и др. С особой

¹ Анатолий Валентинович Кулагин – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна); имейл: kula-mariya@yandex.ru

благодарностью учёный вспоминает преподавателей древнерусской литературы В. В. Кускова, автора классического вузовского учебника по этой дисциплине, и В. А. Грихина, а также читавшего курс истории русской литературы XIX века Н. И. Либана. А ещё – фольклорную экспедицию на Север, в Архангельскую область. Сильное впечатление произвела на него в студенческую пору книга Андрея Белого «Мастерство Гоголя». Так были заложены интересы будущего исследователя гоголевского творчества, которое будет рассматриваться им в свете традиций древнерусской литературы и фольклора.

Семейные обстоятельства сложились так, что после третьего курса студенту Гольденбергу пришлось перевестись в родной город, в Волгоградский пединститут, который он успешно окончил в 1974 году. Несколько лет учительствовал в одной из волгоградских школ. Но его тянуло к науке, и он активно занялся ею еще до того, как получил приглашение на кафедру литературы.

Теперь, спустя десятилетия, когда просматривается общий сюжет судьбы, – хорошо видно, что научное творчество профессора Гольденберга, отражённое во многочисленных (более двухсот) публикациях, вся его многолетняя работа учёного за письменным столом [Список основных публикаций..., 2019, с. 449–462] может быть, с одной стороны, очень цельной и выстраиваться вокруг какого-то стержня, а с другой – ветвиться и разрастаться от этого же стержня, сохраняя связь с ним. Скажем обо всём по порядку.

Учителем А. Х. Гольденберга в науке (и, наверное, не только в науке, но во многом и в жизни вообще) стал профессор Давид Наумович Медриш (1926–2011) – известный специалист в области фольклоризма литературы, автор монографии «Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики» (1980) и нескольких книг о фольклорных основах творчества Пушкина. Многие годы Давид Наумович проработал в Волгоградском пединституте, свыше полутора десятилетий заведовал кафедрой, где на материале русской литературы и фольклора читал сильно повлиявший на будущего исследователя спецкурс «Художественное пространство и время» и где создал «фольклорно-литературную» научную школу. Спустя десять лет после ухода профессора Медриша из жизни его благодарные ученики и коллеги – в том числе, естественно, и Аркадий Гольденберг – выпускают книгу о своём наставнике, которую составит монографическое повествование о научной судьбе героя книги, а в приложениях будут размещены материалы из его научного наследия, воспоминания об учёном и аннотированная библиография его трудов [Гольденберг, 2021]. Издание было высоко оценено в научной печати [Шафранская, 2021, с. 191–192; Сухих, 2022, с. 246–247].

Но уже в начале своей научно-преподавательской судьбы молодой филолог вовсе не «варился» в одном только «волгоградском соку». Так, в восьмидесятых судьба свела его с кафедрой русской литературы «Герценовского» пединститута в Ленинграде (ныне – РГПУ), где ежегодно проводились Герценовские чтения, в ту пору очень притягательные для литературоведов из разных городов. Сама кафедра, на которой трудились в те годы профессора Н. Н. Скатов, Я. С. Билин-

кис, В. А. Западов, А. М. Панченко, была одной из лучших в России, отличалась широтой и непредвзятостью подходов к истории литературы. Казалось, что известная советская идеологизация обходила этот коллектив стороной. Так вот, несмотря на «официальное» название Чтений, организаторы не ограничивали участников в тематике. Аркадий Хаимович стал активным участником этих научных встреч и подружился с гоголеведами этой кафедры – Е. И. Анненковой (в ту пору доцентом, а со временем – профессором, сменившим на посту заведующего кафедрой ушедшего директорствовать в Пушкинский Дом Н. Н. Скатова) и аспирантами – В. Д. Денисовым, О. Р. Николаевым и С. А. Гончаровым. О Гончарове (который был, правда, аспирантом В. М. Марковича, в ЛГУ, но уже преподавал на «герценовской» кафедре) нужно сказать отдельно: научная дружба и сотрудничество с ним оказались для Аркадия Гольденберга особенно значимы. Сергей Гончаров защитил в 1985 году кандидатскую диссертацию о «Мёртвых душах», в которой рассматривал вопрос о традициях плутовской литературы в поэме. Докторская же, защищённая уже в постсоветское время (1998), называлась «Творчество Н. В. Гоголя и традиции религиозно-учительской культуры».

Интересы молодых коллег совпали в восприятии Гоголя не в привычном для советского официального литературоведения облике «критического реалиста-сатирика», а в поиске глубинных фольклорно-мифологических, религиозных, историко-культурных корней (например, традиция барокко) его творчества. Гончаров редактировал серию гоголевских сборников, выходивших в ЛГПИ / РГПУ на рубеже 80-х – 90-х. Эти книжки, изданные на плохой бумаге, отпечатанные на ротапринте, – ныне, из нового столетия, воспринимаются как прорыв на фоне той самой «казённо-советской» науки. Публиковал в них свои статьи и А. Х. Гольденберг (поскольку материал этих статей вошёл со временем в его монографии, мы сейчас на содержании статей не останавливаемся, поговорим ниже сразу о монографиях). С Гончаровым же в соавторстве он написал две важнейшие статьи, касающиеся легендарно-мифологических аспектов гоголевской поэмы и увидевшие свет в изданиях ИРЛИ и ЛГУ [Гольденберг, 1994, с. 21–48; Гольденберг, 1996, с. 64–86].

Первая книга – точнее сказать, пока ещё брошюра – вышла у него в родном волгоградском вузе в 1994 году (правда, на титульном листе значится 1991-й), когда сам автор находился в Китае: там он работал в течение трёх лет (1991–1994) в Чанчуньском университете.

Называлась книжка «“Мёртвые души” Н. В. Гоголя и традиции народной культуры» [Гольденберг, 1991]. Формально это было учебное пособие, но мы помним, что в советские времена вузовские преподаватели нередко маскировали под такие пособия свои научные труды: так было проще провести их через редакционно-издательский совет. Что, конечно, не отменяло пользы этих книг для студентов, тем более что сам исследователь читал им соответствующий спецкурс. В основу пособия легли материалы кандидатской диссертации Аркадия Хаимовича (примерно половина работы; другая половина касалась традиций древне-

русской литературы), защищённой им в 1987 году в Горьковском (Нижегородском) университете под научным руководством куйбышевского (самарского) профессора, исследователя русской исторической драматургии Виктора Алексеевича Бочкарёва, в годичной аспирантуре у которого соискатель успел поучиться (хотя, конечно, методология работы шла прежде всего от школы Д. Н. Медриша). Так защита соединила три поволжских города. Кстати, А. Х. Гольденберг не раз участвовал в конференциях Зонального объединения литературоведов Поволжья, которое с середины 70-х до середины 90-х возглавлял как раз Бочкарёв. Аркадий Хаимович вспоминает о нём как о человеке широко мыслящем, свободном от советских идеологических предрассудков. Защита же была непростой и длилась три с половиной часа: хотя Перестройка в 87-м уже началась, «марксистско-ленинские» стереотипы восприятия русской классики были ещё сильны, и новаторский подход диссертанта кому-то казался делом сомнительным. И всё-таки он победил, а помогла поддержка первого оппонента – выдающегося гоголеведа Ю. В. Манна, научное и человеческое общение с которым продолжалось у волгоградского учёного до последних дней жизни Юрия Владимировича, скончавшегося в 2022 году.

На фото: А. Х. Гольденберг с Ю. В. Манном

В первой главе пособия рассматриваются мотивы величальных и корильных песен в первом томе поэмы. В центре анализа – фигуры Ноздрёва и Плюшкина. Присутствие в структуре их образов, как показывает автор работы, реалий и мотивов этих жанров народной свадебной поэзии, создаёт «семантический ореол, который, несмотря на трансформацию составляющих элементов в результате их травестирования, сохраняет внутри пошлого мира гоголевских существователей высокую точку отсчёта – народно-утопическое представление об идеале» [Гольденберг, 1991, с. 17].

Львиную долю объёма пособия занимает вторая глава – о фольклорных традициях во втором томе «Мёртвых душ». Второй том поэмы вообще изучен меньше, и это несправедливо уже хотя бы потому, что сохранившиеся главы его приоткрывает перспективу гоголевского замысла. Здесь исследователь делает методологически важное предупреждение, призывая «не судить» героев второго

тома «мерой художественных идей тома первого», ибо это приводит в недооценке второй части эпического полотна. Однако ключевым ориентиром для анализа фольклоризма второго тома остаётся соотношение его (тома) с «утопическими аспектами фольклорной поэтики» [Гольденберг, 1991, с. 22]. Речь идёт об особом характере гоголевского художественного пространства (наличие в нём высотной точки зрения внешнего наблюдателя; сферическая организация; здесь вспоминается и зачин «Сорочинской ярмарки»). Кстати, научный интерес Аркадия Хаимовича к категории пространства оказался важнейшим стимулом для разработки этой проблемы всей волгоградской кафедрой и сотрудничающими с ней коллегами из других городов (тема серии конференций и соответствующих сборников – «Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора»).

Далее в этой главе, в свете эволюции Гоголя от метафорики смерти в первом томе к метафорике пробуждения в томе втором («сонное существование Тентетникова и Платонова»), А. Х. Гольденберг пишет об отзвуках календарных обрядов весеннего периода и, опять же, обряда свадебного, – мотивах хороводных игрищ, девушки – «белой лебёдушки», свата и свадебного дружки (Чичиков по отношению к Тентетникову, влюблённому в Улиньку Бетрищеву). Выясняется, что мотив богатырства (богатырства «наизнанку»), очевидный в первом томе, особенно в главе о Собакевиче, – очень важен и здесь: образ того же Тентетникова, ныне сидящего, подобно Илье Муромцу до известного момента – 33 лет, «сиднем», несёт в себе потенции «будущего подвига», а пока что он, подобно былинному богатырю, находится на жизненном распутье. Особое внимание исследователь уделяет образу Костанжогло, способы идеализации которого (описание земельных владений, лесов, деревни) напоминают о поэтике величальных песен и волшебных сказок («Всё тут было богато...» и так далее). Любопытно наблюдение о том, что и фамилия героя, и его имя-отчество (Константин Фёдорович), благодаря своему греческому происхождению, находятся «в русле ономастических традиций фольклора и древнерусской литературы» [Гольденберг, 1991, с. 41]. Очень насыщен и удачен раздел главы, содержащий анализ образа помещика Петуха, обнаруживающий тонкие ассоциации с народно-утопической традицией (сказочная необычность пространства, связь героя с миром природы, его хлебо-солство и даже «раблезианское обжорство») и развивающий сквозную антитезу «пустота – полнота жизни». В итоге идея учёного о том, что гоголевская гуманистическая утопия ориентирована на систему нравственных и эстетических ценностей, заключённых в фольклоре, обретает полную аргументацию.

Наконец, в третьей главе предложено фольклористическое обоснование гоголевской идеи воскрешения Плюшкина и Чичикова. Речь идёт о мотиве превращения. Не претендуя на то, чтобы «взять на себя весь груз» замысла писателя, этот мотив органично вписывается в творчество Гоголя, где превращения (обратимые и необратимые; переодевания; подмены) происходят многократно, особенно часто в «Вечерах на хуторе...» Этот материал автором пособия суммирован и предложен в обоснование будущей судьбы героев поэмы.

Заметим, что кандидатскую диссертацию Аркадий Хаимович защитил сравнительно поздно – ближе к сорока годам. Он и докторскую защитит поздно – ближе к шестидесяти. «Виной» тому – его перфекционизм, желание постоянно совершенствовать свой труд, добиться абсолютной выверенности и аргументированности материала.

Тема его нового большого труда – «Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н. В. Гоголя», – с одной стороны, была связана с темой кандидатской, но масштабно расширяла её, выводила с уровня конкретных локальных влияний на уровень универсальный – впрочем, не жертвуя при этом и историко-литературной конкретикой, которой работы А. Х. Гольденберга всегда сильны. Защита докторской в 2007 году, в Волгограде, была ярким научным событием; автор данных строк утверждает это как очевидец. В поддержке работы, в отзывах на неё, объединились крупнейшие гоголеведы России, причём придерживающиеся совершенно разных интерпретаций наследия классика, – такие, например, как уже упоминавшийся Ю. В. Манн и В. А. Воропаев.

В год защиты, накануне её, автор выпустил в Волгограде (кстати, под грифом научного редакторства того же Ю. В. Манна) монографию «Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя», впоследствии ещё семь (!) раз переизданную столичной «Флинттой». Этот факт – показатель высокого интереса к книге со стороны не только профессиональных литературоведов, но и учителей, студентов, а может быть, и «рядовых» читателей. И то сказать: профессор Гольденберг, с его огромным преподавательским опытом, умеет писать о литературе так, чтобы, по выражению одного нашего коллеги, «и инженеру было понятно».

Сам термин «архетип» в современном литературоведении понимается, как показано в предисловии к монографии, довольно широко. Автор же, после компактного и ёмкого обзора разных концепций, формулирует свой подход. Специфика его состоит в том, что «в “архетипической цепочке” “миф – фольклор – литература” основное внимание обращено на два последних звена» [Гольденберг, 2012а, с. 9], и, соответственно, на преломление архетипов в конкретной словесной ткани, на пристальный анализ гоголевского текста. А гоголевский текст в монографии – это всё творческое наследие писателя: от ранней поэмы «Ганц Кюхельгартен» до «Выбранных мест...»

Первый раздел монографии посвящён фольклорным архетипам в поэтике Гоголя. Автор идёт здесь диахронным путём, обращаясь поначалу к творчеству 30-х годов. Его внимание концентрируется на архетипах обрядовых – поминальных и свадебных. Прочтение текста под таким углом зрения выявляет богатый подтекст хрестоматийных образов и эпизодов. Так, свойственная народному сознанию иерархия поколений предков и потомков ощущается – в романтическом ключе – уже в «Вечерах на хуторе...» («Страшная месть» и др.), позже – в комическом ракурсе – в «Ревизоре» (комическая гипербола неразличимости отцов и детей: трёхнедельный сын трактирщика Власа – «такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир»). Важен для Гоголя и фольклорный мотив

сиротства или полусиротства, препятствующего браку (в тех же «Вечерах...», например, – Петро или Шпонька). Обезд Чичиковым помещиков ассоциируется с обходом во время святочных колядований, а привычно воспринимаемый читателем как комический эпизод «Мёртвых душ», где Коробочка предлагает Чичикову почесать на ночь пятки («Покойник мой без этого никак не засыпал»), оказывается, отсылает к западноукраинской погребальной традиции, согласно которой покойнику щекотали пятки, чтобы «пробудить» его и вернуть к жизни. С учётом сквозной для поэмы антитезы живое / мёртвое, постоянной смысловой игры этими понятиями, такие штрихи особенно значимы. Предприятие Чичикова трактуется в этом свете как попытка нарушения границы между миром живых и миром мёртвых, которое, по большому счёту, есть нарушение гармонии мироустройства.

Далее исследователь рассматривает позднее творчество Гоголя (40-е – 50-е годы). Здесь закономерно в центре его внимания вновь (как и в пособии 1991 года) оказывается второй том поэмы. Резонно возражая против устойчивого представления о «позднем» Гоголе как публицисте, а не художнике, филолог рассматривает фольклорные архетипы, например, в связи с важнейшей для «Мёртвых душ» проблемой положительного героя. Как писателю изобразить его? Вот чёткий и внятный ответ учёного: уже знакомая нам фигура Костанжогло, творчески пропущенная через призму свадебных песен и волшебных сказок, выступает в свете народного архетипа *хозяина* и *царя*. Другой архетип – архетип естественного человека – высвечивает образ нами тоже уже упоминавшегося помещика Петуха и по-своему проявляет гоголевский «диалог о прошлом, настоящем и будущем России» [Гольденберг, 2023, с. 83]. Так – повторим ещё раз – укрупняются и расширяются исследовательские работы «раннего» Гольденберга в его «позднем» научном труде.

Совершенно новаторски, в том числе и в контексте научного творчества самого Аркадия Хаимовича, смотрятся материалы второго раздела монографии, где он обращается к литературным архетипам. Литература здесь – прежде всего Библия, её сюжеты и образы, ставшие архетипическими благодаря тому, что они пропущены через опыт культуры как древней, так и новой. Во-первых, это архетип скупого, рассмотренный на материале образа Плюшкина; за этим архетипом высвечивается образ библейского Иова, а героем-«посредником» между Иовом и Плюшкиным оказывается пушкинский Барон из «Скупого рыцаря». Связующая все эти сюжеты нить – «рассказ о страданиях человека, терпящего жизненное крушение, теряющего своих близких» [Гольденберг, 2023, с. 110]. По мысли исследователя, Пушкин и Гоголь соответственно актуализируют разные ипостаси библейского архетипа: Иова дерзающего, бросающего вызов Богу, и Иова долготерпеливого. Принципиальное тяготение Гоголя-художника к жанру притчи проявляет себя, как показывает автор монографии, в истории Хлобуева во втором томе поэмы. Здесь произведениями-«посредниками» между гоголевским текстом и текстом евангельским выступают бытовые повести XVII века, «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого, наконец, пушкинский «Станционный

смотритель». И вновь пушкинский и гоголевский подход разнятся: «В повести Пушкина налицо примат индивидуальной истории над притчей, у Гоголя же мы наблюдаем сдвиг индивидуальной истории в сторону притчи» [Гольденберг, 2023, с. 121].

Своеобразная кульминация книги – анализ образа Чичикова на фоне средневековой христианской литературы, сначала в свете двух архетипов жанровой природы «Мёртвых душ» – пикарески и кризисного жития, влияние которого в поэме ощущается, как показано в монографии, через иронические аллюзии. Две эти жанровые традиции сближаются друг с другом (и гоголевский опыт делает эту близость наглядной) благодаря общему для них мотиву метаморфозы героя, его обновления и исправления. А далее под пером исследователя вступает в силу другая оппозиция: архетипы *апостола* и *антихриста*. Ещё в начале 80-х годов А. Х. Гольденберг предложил подхваченное впоследствии многими прочтение судьбы Чичикова в контексте истории апостола Павла, имя которого гоголевский герой и носит. Дело не только в имени, но прежде всего в ситуации того же обновления: Павел, напомним, до своего обращения в христианство был гонителем христиан; учение Христа преобразило его. Кроме того, о Павле напоминают в биографии Чичикова мотивы гонений, лукавства, «эластичность» и артистизм героя. Превосходно развёрнуто в монографии сопоставление символического эпизода падения Чичикова из брички в грязь и сюжета гениального, будто опережающего развитие живописи полотна Караваджо «Обращение Савла»; высокий сюжет Гоголем, конечно, травестируется, но за травестией просматривается опять-таки высокий духовный смысл. На другом семантическом полюсе образа Чичикова исследователь размещает аллюзии на фигуру антихриста. В результате фигура дельца и предпринимателя, как зачастую понимали Чичикова литературоведы советской эпохи, обретает в монографии объёмность и глубину.

Рассматривается в монографии и вопрос о влиянии на автора «Мёртвых душ» древнерусской учительной литературы с её «императивными словесными конструкциями», и, наконец, дантовский архетип. В последнем случае читателю предложен аналитический обзор научной литературы по проблеме «Мёртвые души и Божественная комедия», но намечены и оригинальные линии сопоставительного анализа двух великих книг: соотношение католического и православного понимания «спасения души»; духовное и телесное; хронотоп путешествия героев (привязка его к христианским праздникам).

Со временем Аркадий Хаимович выпустил новое пособие для студентов под названием «Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте» [Гольденберг, 2019], но не повторил в нём содержание монографии, а составил его по преимуществу из новых работ по близкой ему тематике, органично вписавшихся в единый формат. Это вновь больше чем пособие, по сути – монография. В книге – несколько проблемных узлов. Первый из них – гоголевский хронотоп. Так, рассматривая отзвуки народного и церковного календаря в творчестве писателя, исследователь приходит к выводу о том, что «метасюжет Гоголя может быть

осмыслен и описан как переход от Святков / Рождества к Радунице / Пасхе» [Гольденберг, 2019, с. 30]. Попутно делается много любопытных частных наблюдений: например, эпизод второго тома «Мёртвых душ», где Улинька, решившаяся на брак с Тентетниковым, идёт на могилу матери, естественно вписывается в народный предсвадебный обычай, которого придерживалась невеста-сирота. Подробно анализируется в свете оппозиции «живое / мёртвое» эпизод третьей главы первого тома, где Чичиков слышит бой часов в доме Коробочки, напоминающий шипение змей и удары палкой по разбитому горшку». Оказывается, эти мотивы таят в себе завуалированное представление о загробном мире: так, змея, наравне с птицей (мы помним, что у Коробочки и птичий двор, и «птичий дом»), символизировала в народном сознании душу умершего; горшок же воспринимался как «вместилище души и духов» и использовался в поминальных обрядах.

Далее рассматривается значение для творчества Гоголя традиций духовной литературы. В свете этой традиции в пособии истолковывается природа гоголевского смеха, которую очень точно выражает формула «смех сквозь слёзы». Гоголь смеётся над человеком не ради насмешки над ним, а ради духовного преображения его, необходимость которого вытекает из печального созерцания человеческого несовершенства. При этом традиция гомиластики для А. Х. Гольденберга – не абстракция: он реконструирует конкретный историко-литературный контекст эпохи, обращается к фигурам церковных авторов, тексты и личность которых находились в поле внимания писателя: московского митрополита Филарета (Дроздова), известного и по пушкинской биографии, и архиепископа Иннокентия Херсонского (Борисова). О последнем из них в гоголеведении столь подробно говорится впервые.

В заключение автор разворачивает два сюжета, открывающие читателю богатейшие возможности историко-культурного комментария к гоголевским текстам. Сначала это сюжет о «загадочной» дудке в шарманке Ноздрёва, «очень бойкой, никак не хотевшей угомониться», без конца насвистывающей мотив популярной песни «Мальбруг в поход собрался». Эта песня, вкупе с шарманкой, высвечивают и фигуры героев этой главы поэмы (Ноздрёва и Чичикова), и традицию народного театра Петрушки, и наполеоновский подтекст поэмы, за которым открывается перспектива дальнейшего развития русской литературы (роман «Преступление и наказание», где тоже упоминаются и Петрушка, и песня о Мальбруге / Мальбруке). И ведь весь этот контекст произрастает из одной-единственной художественной детали! Второй сюжет связан с травестированной в «Мёртвых душах» традицией жанра разбойничьего романа (в первую очередь – очень популярного в ту эпоху «Ринальдо Ринальдини» Вульпиуса), из которого в гоголевское повествование переходят и мотив именно «благородного», то есть грабящего только казну, разбойника, и мотив «штурма замка» (дома Коробочки) Чичиковым, и любовные коллизии (разбойник как «покоритель сердец»). Итоговая мысль автора сопрягает ключевые линии и этой книги, и его гоголеведческих изысканий в целом: в «многослойной жанровой структуре» поэмы он видит сое-

динение традиций «европейской пикарески, разбойничьего авантюрного романа и духовно-учительной литературы» [Гольденберг, 2019, с. 85].

Попутно заметим, что связь поэтики Гоголя с европейской и русской культурой не раз обсуждалась автором со своими зарубежными коллегами на научных форумах в Австрии, Великобритании, Венгрии, Израиле, Италии, Литве, Польше, Сербии и других странах.

Но не Гоголем единым, даже в связке его с такими могучими истоками как фольклор и религиозно-учительная литература (кстати, А. Х. Гольденберг ещё и участвует в подготовке нового академического собрания сочинений Гоголя как член его редколлегии и рецензент рукописей подготовленных в ИМЛИ очередных томов), жив наш герой. В его трудах последнего времени возникают и другие темы, с выходом в двадцатый и двадцать первый век. Но они возникают не на ровном месте, в них гоголевский «корень» чувствуется тоже.

Во-первых, это фольклористика как таковая, выросшая у Аркадия Хаимовича «из Гоголя», но представляющая для него самостоятельный научный интерес. Причём он обращается к малоизученной сфере народного искусства – так называемому постфольклору, становление и бытование которого происходит, можно сказать, на наших глазах [Гольденберг, 2015, с. 347–355]. Обращается не только сам: в 2017 году его ученик С. Н. Петренко (у профессора есть свой круг «остепенившихся» учеников и продолжателей) защитил кандидатскую диссертацию о жанровых моделях постфольклора в литературе постмодернизма.

Во-вторых, литературное краеведение. Подобно гоголевской Запорожской Сечи, донская земля (а Дон и Волга сходятся именно в Волгограде) – родина казачества. Здесь есть свои интересные фигуры, без которых (пусть даже это фигуры скромные и пока малоизвестные) литературный пейзаж этой земли неполон. А. Х. Гольденберг вместе с другой своей ученицей Е. С. Бирючёвой, можно сказать, воскресили фигуру писателя начала двадцатого века, автора рассказов и повестей о жизни Придонья и Поволжья Ивана Сазанова. Они выпустили сначала сборник его прозы [Сазанов, 2013], а затем, помимо многочисленных статей, как в соавторстве, так и по отдельности, – монографию о нём самом [Гольденберг, 2014]. Мы в своё время откликнулись на эти издания [Жулагин, 2015, с. 228–230]. Позже под руководством А. Х. Гольденберга будет защищена кандидатская диссертация об ещё одном донском писателе той же эпохи, Романе Кумове, написанная М. А. Медведевой. Нам видится в перспективе созданная школой профессора Гольденберга антология и / или коллективная монография о донской литературе, о «царицынском тексте», если воспользоваться определением самого исследователя. Кстати, «царицынский текст» он выявил и в творчестве самого Гоголя, показав его значимость в творческой истории второго тома «Мертвых душ».

В-третьих – искусство русского авангарда. Казалось бы – какая тут может быть связь? Ведь это даже и не литература. Но связь есть. Главный герой штудий А. Х. Гольденберга, Гоголь, может быть назван самым авангардным писателем-классиком девятнадцатого столетия: разве не готовят его гротескные фантазмаго-

рии будущую образность Маяковского или Булгакова? А ещё ведь за авангардным сознанием кроется опыт народного искусства. Между тем, Волгоградский художественный музей носит имя своего знаменитого земляка, художника Ильи Машкова, одного из основателей объединения «Бубновый валет»; музей же обладает замечательной коллекцией его работ и стал, совместно с ВГСПУ, научным центром по изучению наследия живописца. В общем, все карты легли так, чтобы нынешний юбилей обратился к проблеме авангарда, и он к ней обратился – как исследователь предметного мира и экфрасиса, а это как раз очень «гоголевский» ракурс [Гольденберг, 2011, с. 218–224; Гольденберг, 2012, с. 291–297].

И в-четвёртых – фигура, появление которой в диапазоне научных интересов А. Х. Гольденберга тоже могло бы показаться неожиданным: Василий Розанов. Сам он о Розанове никогда не писал, но совсем недавно выступил в качестве научного редактора сборника статей и высказываний Розанова о Гоголе, составленного его старинным (ещё со студенческих лет) другом, Виктором Григорьевичем Сукачем, всю жизнь посвятившим изучению творчества Розанова, крупнейшим специалистом в этой области [Розанов, 2022]. В послесловии к книге Аркадий Хаимович рассказывает о том, как зарождался этот интерес ещё в те времена, когда наследие Розанова было под негласным запретом. Сама работа над книгой потребовала скрупулёзной работы не только от составителя, но и от научного редактора, рука которого приложена и к комментариям, и к обширному справочному аппарату: помимо традиционного указателя имён, здесь есть ещё указатель сочинений и литературных персонажей Гоголя (упоминаемых Розановым) и любопытный указатель «Определения Гоголя». Знаменитый публицист, всю жизнь ведший напряжённый диалог с классиком и вообще известный парадоксальностью своей творческой мысли, как только его ни называл – от «великого наставника русского народа» до «ханжи» и «страшного идиота». В совокупности своей всё это создаёт уникальный таким разнообразием красок портрет и Гоголя, и самого Розанова. И заодно – ещё о научном редакторстве: А. Х. Гольденберг выступил в таком качестве по отношению к авторитетному изданию «Язык поэзии. Приёмы и стили. Терминологический словарь», автором которого является его волгоградский коллега – лингвист В. П. Москвин [Москвин, 2017].

И конечно – большая педагогическая работа, живая и неформальная. Например, практические занятия по фольклору Аркадий Хаимович проводит в театрализованной форме: студенты у него в аудитории обыгрывают народные обряды и поют! Профессора своего они очень ценят. У многих ли вузовских преподавателей есть в Интернете свой «фанклуб»? У него – есть. Тут можно было бы обойтись без кавычек, ибо соответствующая группа ВКонтакте так и называется: Клуб фанатов Аркадия Хаимовича Гольденберга. Вот одна из записей (авторский стиль сохраняю): «Очень люблю лекции Аркадия Хаимовича, всегда сажусь поближе, чтобы ничего не пропустить, даже когда не высыпаюсь и просто рубит. Это так классно, когда самому преподавателю нравится его предмет, когда, рассказывая, он пробуждает этот интерес и в студентах. И хоть у нас в универе много таких же

профессиональных преподавателей, для меня Аркадий Хаимович – ван лав». А вот ещё: «Да, Аркадий Хаимович клёвый! Я как мимо него прохожу, постоянно здороваюсь... Интересно, его раздражает, что один и тот же человек раз десять в день может с ним поздороваться?» Читая эти признания, можно улыбнуться, но ведь если говорить всерьёз – тут и уважение, и любовь.

На фото: А. Х. Гольденберг со студентами

Ну а автор этих строк готов похвастаться своей уже почти сорокалетней дружбой с юбиляром. В эти десятилетия вместились и наши встречи на Герценовских чтениях в ЛГПИ, а позже – на Гоголевских чтениях в столичном музее писателя, где Аркадий Хаимович – постоянный и авторитетнейший участник, можно сказать – патриарх; и четырёхмесячная совместная учёба на курсах повышения квалификации в том же ЛГПИ (было время, когда такая учёба была реальной и очень полезной, а не для галочки в отчёте, как это стало, увы, теперь); и взаимное «сидение» на госэкзаменах в качестве председателя комиссии (он – у нас в Коломне, я – у него в Волгограде); и совместное участие в работе диссертационного совета ВГСПУ; и, наконец, посиделки у Аркадия дома, возле планетария с мухинской скульптурой на куполе, в центре Волгограда – города, который я увидел и полюбил благодаря моему замечательному другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гольденберг, А. Х. Антология вещи: гоголевский концепт в эстетике «Бубнового валета» (заметки к теме) / А. Х. Гольденберг // Актуальные проблемы изучения творчества И. И. Машкова и художников «Бубнового валета»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: Парадигма, 2011. – С. 218–224.

Гольденберг, А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография. 8-е изд., испр. / А. Х. Гольденберг. – Москва: Флинта, 2023. – 232 с.

Гольденберг, А. Х. Гетеротопии в современном городском фольклоре и литературе / А. Х. Гольденберг // Heterotopijos: pasauliai, ribos, pasakojimai / ред. и сост. Г. П. Михайлова и др. – Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 2015. – С. 347–355.

Гольденберг, А. Х. Гоголевский экфрасис и эстетика раннего русского авангарда: (к проблеме преемственности традиций народной культуры) / А. Х. Гольденберг // Двенадцатые Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и традиционная славянская культура. – Новосибирск: Новосиб. издат. дом, 2012. С. 291–297.

Гольденберг, А. Х. Жизнь и литературная судьба И. Д. Сазанова: монография / А. Х. Гольденберг, Е. С. Бирючёва. – Волгоград: Перемена, 2014. – 160 с.

Гольденберг, А. Х. Легендарно-мифологическая традиция в «Мёртвых душах» / А. Х. Гольденберг, С. А. Гончаров // Русская литература и культура нового времени. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – С. 21–48.

Гольденберг, А. Х. «Мёртвые души» Н. В. Гоголя и традиции народной культуры: учеб. пособие / А. Х. Гольденберг. – Волгоград: ВГПИ, 1991. – 76 с.

Гольденберг, А. Х. Павел Чичиков: судьба героя в легендарно-мифологической ретроспективе / А. Х. Гольденберг, С. А. Гончаров // Имя – сюжет – миф: межвуз. сб. / под ред. Н. М. Герасимовой. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – С. 64–86.

Гольденберг, А. Х. Профессор сказочных наук: научная биография Д. Н. Медриша / А. Х. Гольденберг, О. О. Путило, Н. Е. Тропкина. – Москва: Флинта, 2021. – 456 с.

Гольденберг, А. Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте: учеб. пособие / А. Х. Гольденберг. – Волгоград: Перемена, 2019. – 108 с.

Кулагин, А. В. «Сазанов – это казаки» / А. Кулагин // Отчий край. – Волгоград, 2015. – № 2. – С. 228–230.

Москвин, В. П. Язык поэзии: приёмы и стили: терминологич. словарь / отв. ред. А. Х. Гольденберг / В. П. Москвин. – Москва: Флинта; Наука, 2017. – 460 с.

Розанов, В. В. О Гоголе: эссе и фрагменты / сост. В. Г. Сукач; науч. ред. А. Х. Гольденберг. – Москва; Новосибирск: Новосиб. издат. дом, 2022. – 336 с.

Сазанов, И. Д. Избранное / науч. ред., сост., вступит. ст. А. Х. Гольденберга; подгот. текстов, коммент. Е. С. Бирючёвой. – Волгоград: Перемена, 2013. – 196 с.

Список основных публикаций Аркадия Хаимовича Гольденберга / [Б. п.] // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. статей к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. – Волгоград: Перемена, 2019. – С. 449–462.

Сухих, И. Н. «Профессор сказочных наук» из Волгограда / И. Н. Сухих // Русская литература. – 2022. – № 3. – С. 246–247.

Шафранская, Э. Ф. «Медресе» Медриша / Э. Ф. Шафранская // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2021. – № 7 (160). – С. 191–192.

REFERENCES

Gol'denberg, A. H. Antologiya veshchi: gogolevskij koncept v estetike «Bubnovogo valeta» (zametki k teme) / A. H. Gol'denberg // Aktual'nye problemy izucheniya tvorchestva I. I. Mashkova i hudozhnikov «Bubnovogo valeta»: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Volgograd: Paradigma, 2011. – S. 218–224.

Gol'denberg, A. H. Arhetipy v poetike N. V. Gogolya: monografiya. 8-e izd., ispr. / A. H. Gol'denberg. – Moskva: Flinta, 2023. – 232 s.

Gol'denberg, A. H. Geterotopii v sovremennom gorodskom fol'klore i literature / A. H. Gol'denberg // Heterotopijos: pasauliai, ribos, pasakojimai / red. i sost. G. P. Mihajlova i dr. – Vil'nyus: Izd-vo Vil'nyus. un-ta, 2015. – S. 347–355.

Gol'denberg, A. H. Gogolevskij ekfrasis i estetika rannego russkogo avangarda: (k probleme preemstvennosti tradicij narodnoj kul'tury) / A. H. Gol'denberg // Dvenadcatye Gogolevskie chteniya: N. V. Gogol' i tradicionnaya slavyanskaya kul'tura. Novosibirsk: Novosib. izdat. dom, 2012. – S. 291–297.

Gol'denberg, A. H. ZHizn' i literaturnaya sud'ba I. D. Sazanova: monografiya / A. H. Gol'denberg, E. S. Biryuchyova. – Volgograd: Peremena, 2014. – 160 s.

Gol'denberg, A. H. Legendarno-mifologicheskaya tradiciya v «Myortvyh dushah» / A. H. Gol'denberg, S. A. Goncharov // Russkaya literatura i kul'tura novogo vremeni. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1994. – S. 21–48.

Gol'denberg, A. H. «Myortvye dushi» N. V. Gogolya i tradicii narodnoj kul'tury: ucheb. posobie / A. H. Gol'denberg. – Volgograd: VGPI, 1991. – 76 s.

Gol'denberg, A. H. Pavel Chichikov: sud'ba geroya v legendarno-mifologicheskoy retrospektive / A. H. Gol'denberg, S. A. Goncharov // Imya – syuzhet – mif: mezhvuz. sb. / pod red. N. M. Gerasimovoj. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. – S. 64–86.

Gol'denberg, A. H. Professor skazochnyh nauk: nauchnaya biografiya D. N. Medrisha / A. H. Gol'denberg, O. O. Putilo, N. E. Tropkina. – Moskva: Flinta, 2021. – 456 s.

Gol'denberg, A. H. Tvorchestvo Gogolya v mifologicheskom i literaturnom kontekste: ucheb. posobie. – Volgograd: Peremena, 2019. – 108 s.

Kulagin, A. V. «Sazanov – eto kazaki» / A. Kulagin // Otchij kraj. – Volgograd, 2015. – № 2. – S. 228–230.

Moskvin, V. P. YAzyk poezii: priyomy i stili: terminologich. slovar' / otv. red. A. H. Gol'denberg. – Moskva: Flinta; Nauka, 2017. – 460 s.

Rozaov, V. V. O Gogole: esse i fragmenty / sost. V. G. Sukach; nauch. red. A. H. Gol'denberg. – Moskva; Novosibirsk: Novosib. izdat. dom, 2022. – 336 s.

Sazanov, I. D. Izbrannoe / nauch. red., sost., vstupit. st. A. H. Gol'denberga; podgot. tekstov, komment. E. S. Biryuchyovoj. – Volgograd: Peremena, 2013. – 196 s.

Spisok osnovnyh publikacij Arkadiya Haimovicha Gol'denberga / [B. p.] // Vostok – Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore: sb. nauch. statej k 70-letiyu prof. A. H. Gol'denberga / otv. red. N. E. Tropkina. – Volgograd: Peremena, 2019. – S. 449–462.

Suhij, I. N. «Professor skazochnyh nauk» iz Volgograda / I. N. Suhij // Rus. lit. – 2022. – № 3. – S. 246–247.

SHafranskaya, E. F. «Medrese» Medrisha / E. F. SHafranskaya // Izvestiya Volgograd. gos. ped. un-ta. – 2021. – № 7 (160). – S. 191–192.